

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

П. А. Ореховский¹

Институт экономики РАН (Москва, Россия)

УДК: 330.821.1

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-4

АДАМ СМИТ — ВЗГЛЯД ИЗ XXI В.

Официальная история экономической мысли во многом строится на кумулятивном подходе к систематизации работ выдающихся экономистов. После меркантилистов были физиократы. С «Богатства народов» А. Смита начинается развитие классической школы в политической экономии. «Залповое открытие» У. С. Джевонса, Л. Вальраса и К. Менгера означает «маржиналистскую революцию», и т. д. Таким образом, Смит встраивается в череду классиков политэкономии и либерализма, придававший большое значение моральным качествам нового класса — буржуазии, защищавший права собственности, пропагандист конкуренции и фритредерства. Главной ошибкой в его системе взглядов считается деление на производительный и непроизводительный труд, отвергнутое после появления работ А. Маршалла. В остальном, учитывая кумулятивный прогресс экономической науки, Смит остается знаковой фигурой давнего прошлого.

Чтение главной работы Смита заставляет усомниться в справедливости указанных выше оценок историков мысли. Эти сомнения представляются в виде следующих тезисов. Во-первых, Смит лучше понимал современную ему экономику, чем нынешние экономисты понимают свою, о чем существует множество свидетельств. Последние появляются уже в конце 1950-х гг., после работ Р. Солоу. Это ставит проблему — в чем преимущества метода анализа Смита по сравнению с современными методами экономического анализа? Во-вторых, Смит нейтрально относился к работорговле. Кроме того, он указывал, что монархические режимы более гуманно обращаются с рабами, нежели демократические республики. Это не позволяет записывать Смита в «либертарианцы», что делается многими современными авторами. В-третьих, говоря о практике хозяйствования Ост-Индской компании, Смит, по сути, призывает к ликвидации этой компании как монополиста, а заодно и к нарушению прав собственности акционеров этой компании. В-четвертых, с позиций экономики XXI в., где рентоориентированное поведение акторов становится крайне распространенным, возникает вопрос о правильности отрицания деления видов экономической деятельности на производительные и непроизводительные. М. Маццукато и М. Хадсон полагают, что деление, предложенное Смитом, несмотря на необходимость некоторой корректировки, в целом сохраняет свое принципиальное значение. Все это, вместе взятое, свидетельствует о необходимости пересмотра подходов, доминирующих в современной истории мысли к оценке выдающихся экономистов прошлого.

¹ Ореховский Петр Александрович — д.э.н., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН; e-mail: orekhovskypa@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2816-1298.

Ключевые слова: Адам Смит, либерализм и работорговля, республика и монархия, монополизм и права собственности, производительный и непроизводительный труд, кумулятивный подход в истории мысли.

Цитировать статью: Ореховский, П. А. (2024). Адам Смит — взгляд из XXI в. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 59(6), 50–61. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-4>.

P. A. Orekhovsky

Institute of Economics of RAS (Moscow, Russia)

JEL: B12, B30

ADAM SMITH — A VIEW FROM THE XXI CENTURY

The official history of economic thought is largely based on a cumulative approach to systematizing the works of famous economists. After the mercantilists there were the physiocrats. A. Smith's "An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations" initiates the development of the classical school in political economy. "Simultaneous discovery" by W. S. Jevons, L. Walras and K. Menger means "marginalist revolution" and so on. Thus, Smith fits into the line of classics of political economy and liberalism who attached great importance to moral qualities of the new class — the bourgeoisie, which advocated property rights, promoted competition and free trade. The main mistake in his system of views is considered to be the division into productive and unproductive labor, later rejected with the appearance of A. Marshall's works. Otherwise, given the cumulative progress of economics, Smith remains an iconic figure of the remote past.

Reading Smith's major work casts doubt on the validity of the above assessments by historians of thought. These doubts are presented in the form of the following theses. First, Smith understood contemporary economics better than modern economists understand theirs, with ample evidence of this. The latter appeared already at the end of the 1950s, after the works of R. Solow. This raises the problem — what are the advantages of Smith's method of analysis compared to modern methods of economic analysis? Second, Smith was neutral on slave trade. Besides, he argued that monarchical regimes treated slaves more humanely than democratic republics. This does not allow Smith to be labeled a "libertarian", which is done by many modern authors. Third, speaking about management practices of the East India Company, Smith, in fact, calls for the liquidation of this company as a monopolist, and at the same time for the violation of shareholders property rights. Fourth, from the perspective of 21st century economy, where rent-seeking behavior of actors is becoming extremely widespread, the question arises as to the correctness of denying the division of types of economic activities into productive and unproductive. M. Mazzucato and M. Hudson believe that the division proposed by Smith, despite some necessary adjustments, generally retains its fundamental significance. All this, taken together, indicates the need to revise the approaches dominating in the modern history of thought to assessing outstanding economists of the past.

Keywords: Adam Smith, history of thought, liberalism, slave trade, republic and monarchy, monopoly, property rights, productive and unproductive labor, cumulative approach.

Об А. Смита написано много. Мои заметки ни в коем случае не претендуют на сколь-нибудь полную характеристику его творчества, а тем более — его личности. Скорее, это ассоциативные суждения вокруг главной книги А. Смита, и относятся они не столько к оценке вклада этого ученого в создание экономической науки, сколько о том, что сегодня представляет собой экономическая теория по сравнению с тем, что понимал и предлагал А. Смит. Поэтому мои тезисы довольно-таки разрознены. Их объединяет между собой разве что мое несогласие с частью оценок Смита той дисциплиной, которая называется «историей мысли» и которая, на мой взгляд, в наше время решает сейчас скорее идеологические, нежели исследовательские задачи.

Тезис 1. Адам Смит знал об экономике больше, чем современные экономисты?

Экономика, которую характеризовал А. Смит, причем давая рекомендации в отношении экономической политики, конкурируя с меркантилистами, представляла собой *рыночную аграрную экономику*². При этом основными источниками богатства этой экономики были как внутреннее производство, так и международная торговля, колонии. Про последнее историки мысли говорят в основном в связи с пресловутым фритредерством А. Смита. Причем основной акцент делается на «простом продукте», получаемом в земледелии, а также разделении труда, которое позволяет увеличить производительность труда, а заодно и объем общих доходов.

Тем не менее сам Смит указывает и на грабеж испанских и португальских колоний, объясняя приток золота, и торговлю с американскими колониями, и с Индией — все это тоже в очень большой мере формировало богатство наций, это почему-то обычно упускается. Зато принято упрекать Смита в том, что он прозевал начинавшийся тогда промышленный переворот. И, хотя он знал о паровом двигателе, тогда — «огненной машине» Т. Ньюкомена, — он действительно не обратил на потенциал этого изобретения особого внимания.

Тем не менее, учитывая удельный вес того фабричного производства в ВВП Великобритании второй половины XVIII в., можно сказать, что Смит не понимал лишь примерно 15% современной ему экономики. Может, не замечал, не считал нужным. Но *насколько мы понимаем сегодняшнюю экономику??*

² Возможно, более точное название такой экономики предлагает Г. Д. Гловели: экономика торгово-мануфактурного периода (Гловели, 2023, с. 72).

Современный мейнстрим сформировался и объяснял закономерности функционирования *индустриальной экономики*. Уже в середине XX в. Р. Солоу показал, что на так называемый «остаток Солоу», не связанный с трудом и капиталом, приходится 2/3 экономического роста. В наше время в большинстве богатых экономик на вклад промышленности в ВВП приходится меньше 25%. Собственно, примерно об этом же писали еще Д. Норт и Д. Уоллис, оценивая «трансформационный» и «транзакционный» секторы в 1970-х гг. Мы не понимаем, каковы закономерности функционирования этого «транзакционного» сектора, а в микроэкономике вообще отсутствуют темы, связанные с транзакционными издержками. Поэтому я считаю, что в уровне понимания работы *актуальной* экономической системы мы сильно уступаем А. Смиту.

Говоря о мейнстриме, часто прибегают к аналогии с «экономикой классной доски», используя выражение Р. Коуза. Якобы это просто разные уровни абстракции. Скажем, рассмотрим пример с перевозкой слона на железнодорожной платформе из пункта А в пункт Б. Для решения этой задачи средствами микроэкономики студентами первого курса можно принять, что слон представляет собой куб со стороной 3 м. Но при этом профессор, преподающий теорию, вероятно, забудет сказать, что в основе производственных функций, описывающих этот процесс, лежит посылка однородности этих функций. Другими словами, если слон — куб, платформа — коробка, то колеса у этой платформы должны быть квадратными. Этот поезд никуда не поедет. Поэтому большая часть современного мейнстрима выполняет чисто перформативные задачи. Даже само название «мейнстрим» — главное течение — для класса теорий, объясняющих менее 25% наблюдаемых экономических феноменов, является примером манипулирования символической властью в поле экономической науки. Старшему поколению российских экономистов хорошо известно подобное по степени перформативности утверждение в отношении другого, советского мейнстрима: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

Тезис 2. Был ли А. Смит либертарианцем?

Идею Смита о невидимой руке, спонтанном рыночном порядке принято цитировать как аргумент в поддержку не просто фритредерства, но именно либертарианства. Однако последнее плохо сочетается с моральными оценками Смита, которые он дает лордам-землевладельцам и «непроизводительным» социальным группам. Настоящим пропагандистом либертарианства, как естественного порядка тогда выступал *Б. де Мандевиль*, позицию которого А. Смит решительно осуждал.

А. Смит, конечно, был либералом, но либералом своего времени. Историки мысли почему-то не обращают внимания на то, что он достаточно нейтрально относился к рабству. Вот пример такой констатации полез-

ности свободной торговли Смитом: «Ром является очень важным предметом в торговле, которую американцы (в том числе жители колоний, подданные Великобритании. — *П. О.*) ведут на Африканском берегу, откуда они привозят вместо этого рабов-негров» (Смит, 2017, с. 382).

Другой замечательный пассаж Смита характеризует гуманность монархических режимов в отношении умелости обращения с рабами: «Подобно тому, как доходность и успешность обработки земли, ведущейся посредством скота, очень сильно зависят от умелого обращения с этим скотом, так и доходность и успешность работы, выполняемой рабами, должны также зависеть от умелого обращения с этими рабами, а в отношении умелости обращения с ними французские плантаторы, как это, по-видимому, признаётся всеми, превосходят англичан. Закон, поскольку он даёт хотя бы слабую защиту рабу от жестокости его хозяина, будет, наверное, лучше исполняться там, где правительство в значительной мере ограничено, чем в колонии, обладающей свободным правительством. Во всякой стране, где существует злосчастный институт рабства, должностное лицо, выступающее в защиту раба, в известной мере вмешивается в право частной собственности его хозяина; а в свободной стране, где этот хозяин состоит, может быть, членом колониального собрания или избирателем этих членов, он решается делать это только с величайшей осторожностью и осмотрительностью... Напротив того, в стране с правительством более или менее не ограниченном, где чиновники обычно вмешиваются даже в управление частных лиц своей собственностью и посылают им, может быть, приказ об аресте..., если они управляют ею не по вкусу, им гораздо легче оказывать рабу некоторую защиту, а чувство гуманности, естественно, побуждает их к этому...

Тот факт, что положение раба лучше при самодержавном правительстве, чем при свободном, подтверждается, по моему мнению, историей всех веков и народов... При республике ни одно должностное лицо не могло иметь достаточно власти, чтобы защитить раба, и ещё меньше, чтобы наказать хозяина» (Смит, 2017, с. 388–389).

Следует ли из этих пассажей то, что Смит предлагал ликвидировать институт рабства в колониях? Нет, не следует. Заодно вряд ли эти высказывания можно однозначно интерпретировать как поддержку классиком монархии и самодержавия по сравнению с республиканским правлением. Тем не менее, на мой взгляд, эти мысли Смита в достаточной мере объясняют парадоксальное стремление колоний Африки и Азии выйти из состава либеральных, демократических, несущих плоды цивилизации западных империй. И это — одно из «слепых пятен» современного либерального мейнстрима, рассматривавшего торговлю как мирное прогрессивное занятие, ведущее к обогащению, в то время как война ведет к бедности. Вроде бы мысль очевидная, и признается всеми. Но если бедные провинции избирают войну, значит, либеральная демократия — в принципе, подчер-

кнем, одно из лучших и гуманных политических устройств — *по отношению к своим колониям обеспечивает такое положение вещей, которое хуже войны*. Опять же подчеркну, что, похоже, Смит лучше понимал современную ему геоэкономику, чем современные эксперты в области мировой экономики и международных отношений, воспевающие глобализацию.

Причем не так все просто и со свободой предпринимательства и ведением крупного бизнеса. Характеризуя опыт Ост-Индской компании, в которой он когда-то служил, Смит пишет следующее: «Как меня заверяли, нередко бывало, что начальник, т.е. главный приказчик какой-либо фактории, приказывал крестьянину распахать цветущее поле мака и засеять его рисом или каким-нибудь другим злаком. Предлогом выставлялось предупреждение недостатка продовольствия, но фактической причиной являлось стремление дать начальнику возможность продать по лучшей цене большое количество опиума, имевшееся у него на руках. В других случаях давалось приказание противоположного характера, и хорошее поле риса или другого хлеба перепаживалось, чтобы уступить место плантации мака; это делалось, когда начальник предусматривал возможность получения чрезвычайно большой прибыли от опиума. Служащие компании во многих случаях пытались устанавливать в свою собственную пользу монополию какой-либо из важнейших отраслей не только внешней, но и внутренней торговли страны...

Однако ничто не может в большей степени идти вразрез с действительными интересами компаний, чем эта разрушительная система... чем больше доход народа, тем больше годовой продукт земли и труда населения, тем больше может оно уделить государю. Ввиду этого в интересах последнего увеличивать по возможности этот годовой продукт... Поэтому в интересах... государя открывать возможно более обширный рынок для продукта своей страны, предоставлять наиболее полную свободу торговли, чтобы увеличивать по возможности и конкуренцию покупателей, а следовательно, должны устраняться не только все монополии, но и все стеснения при перевозке продукта страны из одной части в другую...» (Смит, 2017, с. 423).

Можно констатировать, что Смит твердо выступал против любых монополий, хорошо понимая, что последние будут ограничивать производство и сбыт, увеличивая цены и прибыль. Как это сочеталось с правами акционеров Ост-Индской компании? Насколько такое требование, нарушающее права собственников, является либеральным? Думаю, что либералы и либертарианцы XXI в. стали бы отстаивать права собственников, даже если бы они наносили ущерб другим государствам (достаточно напомнить об опиумных войнах в Китае, предлогом для которых служила как раз свобода торговли). Еще более интересно, что сказал бы Смит о поведении транснациональных корпораций, участвующих в нынешней глобальной войне с применением экономических санкций, а заодно осуществляю-

щих, по выражению К. Крауча, шопинг политических режимов (Крауч, 2012, с. 198).

Тезис 3. Производительный и непроизводительный труд: ошибка или открытие?

Деление видов деятельности на производительные — создающие ценность, и непроизводительные — изымающие эту ценность, вводится Смитом во второй книге его главного труда, в главе III. О накоплении капитала, или труде производительном и непроизводительном. Это деление широко обсуждалось историками мысли. Общее мнение, видимо, выразил М. Блауг: «Разграничение производительного и непроизводительного труда, введенное Смитом, — это, пожалуй, одна из самых пагубных концепций в истории экономической мысли» (Блауг, 1994, с. 48). Идея Смита приводит к появлению «классового подхода» в политической экономии: класс землевладельцев, получающих ренту только в силу обладания землей, считается непроизводительным. В мягком варианте такой класс может быть подвергнут дополнительному налогообложению, что не нанесет ущерба экономическому росту, а в радикальном, марксистском, предусматривающем национализацию земли, полностью ликвидирован.

Поскольку в XX в. все виды экономической деятельности стали признаваться производительными, все доходы экономических агентов стали включаться в ВВП. Тем самым была ликвидирована одна из важных проблем, волновавших Смита (он рассматривает ее в главе V. О разных помещениях капиталов). Суть этой проблемы — определение оптимальной структуры экономики, которая при данном населении, территории и ресурсах позволяет получать максимальную суммарную ценность. Учитывая тезис о наличии «невидимой руки», которая через спонтанный рыночный порядок обеспечит оптимальное распределение капитала в разные сферы, в книге Смита можно усмотреть внутреннее противоречие, и тем самым признать рассматриваемое деление теоретической ошибкой, что, собственно, и делает не только М. Блауг, но и большинство современных историков мысли.

Тем не менее в XXI в. появляются работы, которые возвращаются к этой проблеме. По-видимому, самым известным автором здесь является М. Маццукато (Маццукато, 2021). На русский язык переведена и работа М. Хадсона, который также использует указанные понятия (Хадсон, 2021). Они полагают, что игнорирование рентоискательства в современной экономике приводит к негативным последствиям.

Надо сказать, что к рентоискательству и группам погони за рентой экономисты, которые принадлежат к институциональному направлению, относятся негативно. В частности, М. Олсон полагал, что раздел ренты малыми группами в составе правящей элиты приводит к институ-

циональному склерозу и стагнации (Олсон, 2013). Однако если считать, что непроизводительного труда не существует, то рентоискательство приводит просто к перераспределению дохода, но не «вычету из ВВП». Поэтому присвоение ренты владельцами дефицитных ресурсов может быть подвергнуто моральному осуждению, но на ВВП и экономический рост в целом это не влияет.

Разницу в подходах можно пояснить на следующем простом примере: «Предположим, что имеется некая однопродуктовая экономика, общее количество занятых экономической деятельностью индивидов — 100 чел. 80 из них занято производительным трудом (работники, торговцы, фермеры, фабриканты); 20 — непроизводительным (землевладельцы, чиновники, врачи, учителя). Доход (ВВП) этой экономики — 1000 ед. продукта.

Предположим, что все получают равный доход $1000 : 100 = 10$, и что производительные индивиды имеют постоянную одинаковую производительность. Тогда последняя равна $1000 : 80 = 12,5$ ед. продукта.

Далее в этой экономике происходит структурный сдвиг — непроизводительных индивидов становится больше на 10 чел., а производительных — 70. Согласно Смиту, доход такой экономики *сократится* и станет равен 875 ед., причем “рентная часть” доходов *увеличится*: $30 \cdot 10 = 300$. В этом начинает проявляться различие в интерпретациях рассматриваемой теории:

- 1) современные теоретики, отрицающие существование “непроизводительного труда”, будут отрицать и возможность сокращения дохода, так что $1000 = 1000$;
- 2) историки мысли, исходящие из представлений о равновесии (основанном на действии закона стоимости) и одновременно признающие правомерность утверждений Смита, будут настаивать на том, что сокращение дохода должно равномерно распределиться между всеми экономическими акторами, так что $875 = 875$;
- 3) структуралистская интерпретация будет делать акцент на том, что сокращение производства на 125 ед. не равно ожидаемому сокращению потребления на 100 ед., о “равновесии” здесь не может быть и речи, диспропорции начнут проявлять себя на финансовом (долговом) и отраслевых рынках» (Ореховский, 2023, с. 144–145).

Этот пример можно развить в стиле Д. Рикардо, который предполагал, что сокращение прибыли в пользу роста ренты приведет к остановке экономического роста, так называемому стационарному состоянию: «Предположим, что 1000 ед. общего дохода однопродуктовой экономики распределялись на 200 ед. ренты, 100 ед. прибыли, направляемой на инвестиции, и 700 ед. “трудовых доходов” (включая доходы торговцев и фабрикантов, направляемых на потребление). Тогда рассмотренный структурный сдвиг, который приводит к сокращению дохода до 875 и увеличит ренту до 300 ед., полностью “обнулит” прибыль и уничтожит стимулы к инвестированию. Возникнет “стационарное состояние”» (Там же, с. 148).

Другими словами, если Смит был прав, то рентоискательство тормозит экономический рост, а при определенных условиях и вовсе может его блокировать. Здесь не место повторять критику современной экономической модели западных стран, которую приводят Маццукато, Хадсон и другие авторы, но, на мой взгляд, она является достаточно убедительной. Причем рентоискательство в мировой экономике, которое осуществляет крупный капитал западных стран, еще можно хоть как-то оправдать. Кредиты, продажа ценных бумаг, завышение цен на лекарства, монопольные доходы от поставки программного обеспечения позволяют обогащаться предпринимателям из этих стран, что-то «просачивается» и другим категориям населения. Но рассчитывать на то, что страны периферии смогут конкурировать в борьбе за патенты и/или финансовые рынки с богатыми странами ядра — очевидная ошибка экономических властей, не разделяющих производительные и непроизводительные виды деятельности.

Тезис 4. А. Смит и Диссернет

«Для примера возьмем весьма маловажную отрасль промышленности, но такую, в которой разделение труда *очень часто отмечалось*, а именно производство булавок. Рабочий, не обученный этому производству... и не умеющий обращаться с машинами, употребляемыми в нем..., едва ли может... при всем старании сделать одну булавку в день и, во всяком случае, не сделает двадцати булавок.. Один рабочий тянет проволоку; другой выпрямляет ее; третий обрезает; четвертый заостряет конец; пятый обтачивает один конец для насаждения головки; изготовление самой головки требует двух или трех самостоятельных операций; насадка ее составляет особую операцию, полировка булавки — другую; самостоятельной операцией является даже завертывание готовых булавок в пакетики... Мне пришлось видеть одну небольшую мануфактуру такого рода, где было занято только десять рабочих... Хотя они были очень бедны..., они могли, работая с напряжением, выработать все вместе двенадцать с лишним фунтов булавок в день. А так как в фунте считается несколько больше 4 тыс. булавок средних размеров, то эти десять человек вырабатывали свыше 48 тыс. булавок в день» (Смит, 2017, с. 6—7).

Теперь приведем еще одну цитату: «Знаменитый пример Смита с булавками опровергает комплиментарное суждение... М. Лернера, будто Смит, придавая в процессе написания “Богатства народов” “порядок и смысл” впечатлениям от “нового мира промышленности”, продолжал не только читать, но и наблюдать дальше, “совал свой нос в старые книги и новые фабрики”» (Lerner, 1937, p. VIII). Как выяснено современными французскими историками, описание булавочной мануфактуры Смит заимствовал из «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера и других французских

источников (Peaucelle, Guthrie, 2011, p. 41). Причем основой этого описания было предприятие (в Нормандии) с технологией ручного привода, устаревшей сравнительно с английским предприятием по производству булавок, оснащенный водяным двигателем, в селе Уормли близ Бристоля (Аллен, 2014, с. 214–215)³.

Должно ли нас удивлять то обстоятельство, что Смит, скорее всего, не бывал на булавоочной фабрике и позаимствовал свой пример без ссылки на первоисточник? В его защиту можно привести выделенные выше курсивом слова: *«очень часто отмечалось»*. В XXI в., правда, такой бы номер не прошел и автора «Теории нравственных чувств», скорее всего, уличили в «некорректном цитировании» и, как следствие, в нарушении научной этики. Вопрос же о том, в какой степени А. Смит был высокоморальным исследователем экономики, а в какой — лицемерным ханжой, выходит далеко за границы предмета обсуждения этих тезисов.

Заключение. А. Смит и современная история мысли

На мой взгляд, приведенные выше тезисы опровергают главную неявную посылку, на которой основывается большинство работ по экономической мысли. Это посылка о кумулятивном развитии экономического знания, от меркантилистов к классикам, от классиков к маржиналистам и неоклассике, от неоклассике к кейнсианству и т.д. Зачастую процессы, которые происходят в реальной экономике, отбрасывают экономическое знание сильно назад, но опора теоретиков на прошлые авторитеты помогает им успешно маскировать ограниченность, а то и полное банкротство актуальных экономических концепций.

На мой взгляд, отношение Смита к рабству и преимуществам самодержавия свидетельствует скорее о его политическом здравомыслии и практичности, чем о дефиците гуманности и любви к свободе. Однако современные либертарианцы пишут, например, вот так: «Испанские схоласты XVI в., объединяемые в так называемую Саламанскую школу, развили учение Аквината в области теологии, естественного права и экономической науки. Они предвосхитили многие темы, которые позже можно будет обнаружить в трудах Адама Смита и австрийской школы. С кафедры университета города Саламанки Франциско де Витория осудил порабощение испанцами индейцев в Новом Свете с точки зрения индивидуализма и естественных прав: “Каждый индеец — человек и, таким образом, способен обрести спасение и вечные муки... А поскольку он человек, каждый индеец имеет свободу воли и, следовательно, является хозяином своих действий <...> Каждый человек имеет право на свою собственную жизнь, а также на физическую и духовную неприкосновенность”. Вито-

³ Авторские ссылки на первоисточники сохранены (Гловели, 2023, с. 72).

риа и его коллеги развили доктрину естественного права в таких областях, как частная собственность, прибыль, проценты и налогообложение; их труды оказали влияние на Гуго Гроция, Самуэля Пуфендорфа, а через них — на Адама Смита и его шотландских коллег» (Боуз, 2022, с. 45). Получается, что А. Смит был едва ли не аболиционистом и республиканцем. И мне не попадались работы историков мысли или теоретиков, которые любят говорить о естественных правах и спонтанном порядке, в которых бы оспаривалось приведенное выше мнение.

Напротив, в отношении концепции непроизводительного труда, предложенной Смитом, существует общий консенсус — это теоретическая ошибка. Об этой концепции сейчас особо не принято упоминать в актуальных дискуссиях. Как не принято упоминать и критику Смита в отношении монополии Ост-Индской компании и рентоискательства, связанного с этой старой «транснациональной корпорацией». Очевидно, это не вписывается в то, что сейчас принято характеризовать как «мейн-стрим». И, как я склонен полагать, все это вместе и является важными факторами того, что уровень понимания исследователями современной экономики существенно уступает уровню А. Смита в отношении экономики XVIII в.

Список литературы

- Аллен, Р. (2014). *Британская промышленная революция в глобальной картине мира*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Блауг, М. (1994). *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело Лтд.
- Боуз, Д. (2022). *Либертарианство: история, принципы, политика*. М. — Челябинск: Социум.
- Гловели, Г. Д. (2023). От Петти к Смиту: происхождение классической политэкономии в историко-научной и мир-системной ретроспективе. *Вопросы теоретической экономики*, 2, 64–84. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_64_84
- Крауч, К. (2012). *Странная не-смерть неоллиберализма*. М.: ИД Дело РАНХИГС.
- Мащукато, М. (2021). *Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике*. М.: ИД Высшей школы экономики.
- Олсон, М. (2013). *Возвышение и упадок народов: Экономический рост, stagflation и социальный склероз*. М.: Новое издательство.
- Ореховский, П. А. (2023). История экономической мысли глазами структуралиста (Часть 1. Классики и Маркс). *Вопросы теоретической экономики*, 4, 137–154. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_137_154
- Смит, А. (2017). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: АСТ.
- Хадсон, М. (2021). *Убийство Хозяина: Как финансовые паразиты разрушают экономику*. М.: Наше завтра.
- Lerner, M. (1937). Introduction. In A. Smith. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. New York: The Modern Library, V–X.
- Peaucelle, J.-L., & Guthrie, C. (2011). How Adam Smith Found Inspiration in French Texts on Pin Making in the Eighteenth Century. *History of Economic Ideas*, XIX(3), 41–67.

References

- Allen, R. (2014). *The British Industrial Revolution in the Global Picture of the World*. M.: Publishing house of the Gaidar Institute.
- Blaug, M. (1994). *Economic Thought in Retrospect*. M.: Delo Ltd.
- Bowes, D. (2022). *Libertarianism: History, Principles, Politics*. M. — Chelyabinsk: Socium.
- Crouch, K. (2012). *The Strange Non-Death of Neoliberalism*. M.: ID Delo RANHIGS.
- Gloveli, G. D. (2023). From Petty to Smith: The Origin of Classical Political Economy in Historical-Scientific and World-system Retrospective. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2, 64–84. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_64_84
- Hudson, M. (2021). *Killing the Boss: How Financial Parasites are Destroying the Economy*. M.: Nashe zavtra.
- Mazzucato, M. (2021). *The Value of All Things: Creation and Disposal in the Global Economy*. M.: Publishing House of the Higher School of Economics.
- Olson, M. (2013). *The Rise and Fall of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Sclerosis*. M.: New publishing house.
- Orekhovsky, P. A. (2023). History of Economic Thought by the Eyes of a Structuralist (Part 1. Classics and Marx). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 4, 137–154. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_137_154
- Smith, A. (2017). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. M.: AST.